Текст · 31 мая 2024, 08:42
Анна Павлова,

«Ее либо в могилу, либо замуж». Что известно о ранних и принудительных браках на Северном Кавказе

Оказаться замужем за незнакомым человеком в четырнадцать или пятнадцать, терпеть изнасилования, побои и унижения со стороны мужа и его родственников, через год родить первого ребенка — такая жизнь ждет девочек и девушек, ставших жертвами ранних и насильственных браков на Северном Кавказе. Их могут похитить, а могут принудительно выдать замуж собственные родители, опасающиеся за «честь» семьи. «Медиазона» пересказывает доклад правозащитного проекта *AD REM* об этой практике, которую в России почти не исследуют.

В 2009 году 18-летнюю Заиру Бопхоеву из Ингушетии похитил местный житель по имени Халид. За два года до этого девушку, которой тогда не исполнилось и шестнадцати, уже похищал другой мужчина — согласно традициям, она стала считаться «запятнанной» и поэтому была вынуждена выйти замуж за преступника, но брак не сложился, и Заира вернулась домой.

Во второй раз мать Бопхоевой не стала оставлять дочь у похитителя и потребовала от Халида отпустить ее. Но возвращение Заиры после ночи, проведенной в доме мужчины, возмутило ее родных со стороны покойного отца. Семеро мужчин-родственников вывезли девушку в лес, избили, а потом заставили выйти замуж за Халида.

Свекровь была категорически против Заиры. Она отослала сына в дальнее село, а девушку почти все время держала запертой в одной из комнат. Тогда же у Заиры резко начало портиться здоровье: изредка связываясь с матерью, она жаловалась на головокружение, тошноту, онемение нижней челюсти и затрудненное дыхание.

Вскоре у здоровой до замужества девушки начались приступы, а в феврале 2010 года ее госпитализировали. В больнице Заире поставили диагноз «отравление неизвестным препаратом». По словам врачей, кислород долгое время не поступал в мозг, и Бопхоева впала в кому. В таком состоянии девушку вернули в материнский дом.

Заира Бопхоева — очередная жертва одной из распространенных на Северном Кавказе, в частности в Чечне, Ингушетии и Дагестане, практики детских и принудительных браков. В 2018 году ЕСПЧ присудил ее матери 20 тысяч евро в качестве компенсации, поскольку российские власти не расследовали обстоятельства происшествия.

Проект юристов и правозащитников *AD REM* опубликовал доклад: первое в России исследование этой проблемы, в рамках которого

авторы провели интервью с пострадавшими от насильственных или ранних браков жительницами этих республик, а также с местными экспертами и специалистами — представителями государственных и некоммерческих организаций, юристами, адвокатами и психологами. Всего в опросах приняли участие 31 женщина[1] от 23 до 42 лет и 15 экспертов[2].

Исследовательницы не смогли побеседовать с несовершеннолетними девочками, ставшими жертвами ранних браков, поскольку по традиции их строже контролируют и добиться разрешения на проведение интервью от родственников фактически невозможно, что мотивируют «несогласием на вмешательство во внутренние дела семьи и объясняют страхом перед распространением информации о случившемся».

Похищения, бедность и патриархальные традиции. Причины ранних и принудительных браков

Детские и насильственные браки с точки зрения международного права рассматриваются как одна из современных форм рабства, которая касается в первую очередь женщин. В России по-прежнему не приняты все обязательные меры, отмеченные в Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Так, например, в Уголовном кодексе приводится узкое определение изнасилования и половых преступлений, которые квалифицируются как принуждение с применением насилия или угрозы

его применения либо использование «беспомощного состояния потерпевшей», а изнасилование в браке в принципе не преследуется уголовно. Согласно примечанию к статье 134 УК, совершеннолетний обвиняемый в «половом сношении» с ребенком до 16 лет может избежать наказания, «если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Также в России нет системы защиты жертв насилия, а также шелтеров и служб поддержки потерпевших, куда они могли бы обратиться.

> «Я помню, просто шла по селу из магазина домой. Остановились на машине... Сказали, что решили соединить нашу судьбу. И сказали: "Садись в машину". Я помню, как у меня онемели ноги. Я испугалась, потому что знала, что они сильнее физически, и смотрела по сторонам в надежде, что кто-то увидит, что нужна помощь, и что кто-то встанет за меня. Рядом никого не было. Я не знаю почему, но в тот момент мне не пришло в голову крикнуть... Их было трое. Они все вышли, и получилось, что мне преградили дорогу. Двое передо мною, и один стоял сзади. И как-то настойчиво сказали: "Садись в машину". И тут я помню, как я испугалась и решила, что, наверное, надо что-то делать».
>
> (Лиана, Дагестан, похищена в 14 лет)

Актуальной статистики по похищениям девушек нет, авторы доклада приводят такие цифры: с 1999-го

по 2007 год на Северном Кавказе зарегистрировали свыше 650 сообщений о похищении с целью насильственной женитьбы, лишь в 25% случаев были возбуждены уголовные дела. Жертвы похищений в большинстве случаев опасаются открыто заявлять об этом, опасаясь общественного осуждения, а силовики, в свою очередь, игнорируют обращения, даже если такие поступают.

> «Когда меня отвели в дом, женщины начали меня уговаривать, что он замечательный человек, что мне так повезло, что он такой красивый, семья у него хорошая, что я должна согласиться выйти за него замуж. А я не хотела и говорю: "Ну, я же маленькая, как я выйду? Я же маленькая". Они спрашивают: "Сколько тебе лет?". Я говорю: "Мне через 2 месяца будет 18". Они говорят: "Какая же ты маленькая? В самый раз!"».
> (Лариса, Ингушетия, похищена в 17 лет)

Исследователи отмечают, что на Северном Кавказе молодежь, с одной стороны, уже не стремится «слепо следовать устоявшимся традициям», но с другой — становится более религиозной, что ведет к традиционализации гендерных ролей. В связи с этим существует тенденция к омоложению материнства, что косвенно говорит о росте количества ранних браков: вступление в брак несовершеннолетних не противоречит шариату.

Эта практика по-разному влияет на девочек и мальчиков. Статистика крайне ограничена, но и по ней можно сказать, что девочки вступают в брак до совершеннолетия в десять раз чаще, чем мальчики.

В 2021 году в России, по официальным данным, до 18 лет вступили в брак 4453 женщины. Однако эти цифры не отражают реальное количество, поскольку зачастую такие браки могут не регистрировать в загсах, ограничиваясь религиозным обрядом.

«В такие моменты понимаешь, что ты никому не нужен. **(Плачет.)** Ты никто, и звать тебя никак. У нас украли из двоюродных сестер 6 человек, девушек. И ни одну из сестер не вернули домой старики. Сказали, пусть они там так и живут».
(Хаштби, Чечня, похищена в 14 лет)

Понятия «детский брак» и «принудительный брак» — то есть без согласия одного или обоих партнеров, с применением физического или психологического насилия — тесно связаны и нередко включают в себя похищение девушки. Это еще одна традиция, которая зачастую[3] до сих пор носит насильственный характер.

Сейчас исламские деятели рассматривают похищение как недопустимую форму заключения брака, это в принципе запрещено по шариату. Однако даже в таком случае девушки все равно могут расцениваться «как объект, не наделенный правом самостоятельного выбора». Так, в 2007 году Духовное управление мусульман Дагестана приняло решение, что в местных мечетях шариатский брак — никях — в случае похищения не будут заключать без согласия родителей невесты.

Причиной раннего или насильственного замужества может стать и бедность семьи девушки, особенно если в ней много детей: родители или другие родственники просто стремятся избавиться от лишнего рта. Одна из опрошенных женщин рассказала исследовательницам, что семья получила большой калым[4] за нее, то есть в таких случаях речь идет фактически о продаже невесты. Сами девочки и девушки могут даже не сопротивляться, потому что их фактически делают ответственными за благополучие своей семьи.

«Я чувствовала, что моим родителям будет легче, если я выйду замуж. Я старшая в семье, и как раз у нас появилась еще одна студентка. Студенткой меня мои родители вытянуть уже не могли. Ездить [на учебу] нужно было слишком далеко, и получается, что [обеспечивать] двух студенток было бы уже тяжелее... И еще вот эти свои комплексы — быть хорошей девочкой для своих родителей, угодить им в этом хотя бы... Это была своего рода гуманитарная помощь своим родителям, я понимаю это сегодня... Я хотела таким образом помочь».

(Зарема, Ингушетия, принудительный брак в 19 лет)

«Я училась, и ко мне посватался состоятельный человек, который старше меня на 8 лет, это был хороший вариант с точки зрения родителей... Мы один раз увиделись. Нам сделали такую встречу при людях. Я не хотела замуж. Но потом так получилось, что родители, не сказав мне, взяли большой калым от него, потом поставили меня в известность».

(Лариса, Ингушетия, принудительный брак в 17 лет)

В Чечне, Ингушетии и Дагестане сильны патриархальные установки, а значит, жизнь женщины находится под постоянным жестким контролем, особенно это касается сексуальной сферы. «Аморальное» поведение женщины, по мнению общества, ведет к «обесчещиванию» всей семьи и поэтому строго наказывается. Семья старается поскорее выдать девушку замуж, опасаясь, что она может «опорочить» родных общением с мужчинами.

Отсюда все еще встречающаяся в этих республиках практика убийств «чести». В связи с этим же похищенную девушку родственники почти никогда не возвращают назад — считается, что она уже «нечистая». К тому же в случае похищения виноватой все равно выставляют саму жертву. Нередко это касается и жертв изнасилования, которых либо убивают, либо выдают замуж за насильника.

«Когда меня завезли в больницу, мои ноги были в крови. Только врач зашла и увидела, она сразу сказала: "Ее изнасиловали". Я даже ничего не сказала, у нее потекли слезы... — приводится в докладе рассказ девушки из Ингушетии, похищенной в 17 лет. — Я пошла и рассказала все. Написала заявление. Потом всполошилась родня Заура. Меня моя родня избила, а ему ничего не сделала... Потом начали приходить старики, сватать меня за Заура. Отец был против, но мои родственники-мужчины сказали: "Ее либо в могилу, либо замуж. Она уже не девушка". Они еще меня обвиняли. Меня отдали за него, а я даже не знала, что меня выдали замуж... Меня даже никто не спрашивал, хочу я, не хочу».

Светлана Анохина, журналистка и основательница правозащитного проекта «Марем», помогающего столкнувшимся с насилием жительницам Северного Кавказа, рассказала, что за прошлый год у них было 33 обращения от девушек, которых собираются насильно выдать замуж. За первую половину 2024-го они получили уже 21 такое обращение.

«Такая угроза висит над всеми девушками, которые живут с родителями. Просто иногда мы это не прописываем, потому что нет прямой угрозы, что сваты придут уже вот-вот, — подчеркивает правозащитница. — Но надо понимать, что когда мы говорим о насильственном замужестве, это не значит, что родители с ножом к горлу приступили — вся система воспитания, взращивания девушки предполагает, что в один прекрасный момент ей покажут на мужчину, женой которого она станет».

Главная причина этого, объясняет Анохина, убежденность традиционного общества, что женщина рождается только для того, чтобы соблюсти невинность, выйти замуж, быть хорошей женой и невесткой, рожать детей. Поэтому ее стараются выдать замуж побыстрее, чтобы она не «опозорила» семью, чтобы ее имя не прозвучало в каких-то сплетнях — все это портит ее «рыночную стоимость». Исламские деятели, отмечает журналистка, тоже в основном говорят, что девочку нужно держать в строгости и забрать из школы пораньше, чтобы она не контактировала там с мальчиками.

«А что ей дома тогда сидеть, надо быстренько выдать замуж, — объясняет Анохина. — И если у девушки характер мягкий, она даже не сопротивляется.

Бывает, они даже говорят: "Ну как насильно, я не хотела, но родители говорили: «Выходи, выходи», я согласилась". У многих нет даже мыслей протестовать. Для них это норма: выйти замуж за человека, которого они не знают, потому что вокруг все говорят, что так должно быть. Что они испытывают, мы знать не можем. Мы узнаем это только тогда, когда они бегут».

> «Отца я очень боялась, я ни с кем из парней даже не дружила. Если честно сказать, я боялась вернуться домой после всего, думала, что он меня убьет».
> (Хаштби, Чечня, похищена в 14 лет)

> «Они считали, что мне уже 19 лет, что я могу пойти по плохой дорожке, что я могу пойти налево, общаться с парнями, уходить и приходить. Такой позор для них».
> (Зарема, Ингушетия, похищена в 19 лет)

Как правило, если девочка была изнасилована в детстве, это выявлялось только тогда, когда она выходила замуж — и потом ее убивали, отметила в разговоре с исследователями соцработница из Ингушетии.

«Был случай, когда дедушка изнасиловал пятилетнюю внучку. Отец ее убил, и они ее закопали, — рассказала она. — Это уже много лет назад было, наверное, лет десять. И он [дед] сказал такую вещь, что она садилась к нему на колени. То есть она его соблазнила тем, что она, ребенок пяти лет, очень любила с ним гулять и садиться на колени... Внимание ребенка он воспринял как совращение».

Насилие в новой семье, необразованность и проблемы со здоровьем. Последствия ранних и принудительных браков

Раннее замужество вредит девушкам и в дальнейшем, уже в браке. Зачастую насилие продолжается и в семье мужа — как с его стороны, так и со стороны его родственников. Оно проявляется в разных формах: и экономической, и физической, и психологической, и сексуализированной.

Девочкам и девушкам, рано выданным замуж, обычно приходится прерывать обучение, и в редких случаях они могут продолжить его после; иногда они не имеют даже полного школьного образования. В семье мужа на них ложится забота о хозяйстве, обслуживание его родственников, рождение и воспитание детей.

«Если девушке удается сохранить работу или учебу, это большое везение. Иногда чеченки, дагестанки, ингушки говорят нам: "Да что вы такое рассказываете? Я учусь и работаю, у меня моя машина и свой бизнес", — рассказывает Светлана Анохина. — И тогда я задаю один вопрос: "Если однажды муж или родители скажут тебе: «Все, кончилась лафа», что будет?". И когда они замолкают, становится понятно, что это привилегии и свободы, которые им не принадлежат, они им дарованы и могут быть отобраны в любой момент».

Даже если рано выданным замуж девушкам удается устроиться на работу, она почти наверняка будет

неофициальной и, скорее, низкооплачиваемой. Но даже в таком случае заработанными ею деньгами обычно распоряжается муж или его семья.

> «Работала на рынке, торговала… Он не работал… Мне нужно было заработать, принести продукты, сварить их, оставить, еще пошить, чтобы на следующий день идти на рынок… Я ходила в ужасных вещах… Он контролировал мой финансовый поток, который я зарабатывала… Обижало в какой-то момент, но в целом я думала, что так правильно».
> (Сюзанна, Чечня, ранний брак в 17 лет)

Почти все опрошенные в рамках исследования женщины говорили об унижениях и давлении со стороны супруга, свекрови или других его родственников. На них сваливают всю домашнюю работу, постоянно контролируют, фактически лишают свободы, не позволяя видеться с родителями. Почти половина респонденток (14 из 31) говорили о физическом насилии со стороны мужа: их шлепают, пинают, бросают в них предметы, толкают, дают пощечины, придушивают и так далее.

> «Когда я заказала эту стенку, он, конечно, меня избил, что без его разрешения, ведома я могла себе позволить заказать эту кухонную стенку».
> (Рукет, Ингушетия, похищена в 15 лет)
> «Когда ты уже замужем, то уже все… это уже как тюрьма, где нет никаких прав, только обязанности. Ты становишься домохозяйкой,

> кухаркой, уборщицей и все, что связано с этим, и никакого увлечения и счастья не бывает в замужестве».
> (Залина, Ингушетия, похищена в 17 лет)

Четыре из опрошенных женщин прямо признавались, что мужья их насиловали; некоторые другие говорили об этом косвенно, упоминая, что их не интересовала сексуальная жизнь и они не хотели иметь интимных контактов с супругом. Изнасилование девушек рано или принудительно выданных замуж — обычное явление: девочки могут быть просто не готовы к сексу или испытывать неприязнь к навязанному супругу.

Это подтверждают и истории заявительниц «Марем», которые приводит основательница правозащитного проекта Светлана Анохина.

- Девушку из Чечни выдали замуж по настоянию матери, которая говорила, что если та откажется, ее изобьют. Уже в браке муж девушки жаловался своим родителям, что она к нему холодна, а ей он был просто неприятен. Девушка сбежала. И только тогда ей позволили развестись.
- Девушку из Дагестана выдали замуж в 15 лет. Муж бил ее так, что она потеряла ребенка. Развестись ей разрешили, но в итоге заперли в родительском доме, били и не позволяли даже получить паспорт. У девушки был выбор: или остаться дома бесплатной служанкой, или снова выйти замуж. Она выбрала другой путь — и бежала с помощью «Марем».
- Другую чеченку выдали рано замуж. Она родила двоих детей, а через несколько лет развелась — детей бывший муж не отдал, и ее отец тоже запретил

их забирать. Дома у нее нет никакой поддержки, наоборот, ее избивают и заставляют повторно выйти замуж. Семья требует, чтобы она просто забыла о своих детях и начала жить с чистого листа.

- Семья еще одной дагестанки переехала из республики в Москву. Там девушка сбежала от братьев и матери. Они ее разыскивают и угрожают увезти назад в Дагестан, запереть дома и выдать замуж.
- Другую заявительницу из Чечни выдали замуж в 16 лет за человека сильно старше нее, который насиловал ее в браке. Она бежала, но потом вернулась из-за болезни родителей, ее снова выдали замуж. «Но мы ее забрали», — говорит Анохина.

Иногда в «Марем» обращаются и несовершеннолетние, но взяться за дело правозащитницы могут, только если девочку жестоко избивают, и это зафиксировано, или в случае сексуализированного насилия внутри семьи. Тогда они пытаются привлечь адвокатов, написать детскому омбудсмену, потребовать, чтобы девочку забрали в реабилитационный центр. «У нас были такие случаи. Они, правда, ничем не заканчивались», — констатирует Анохина. При этом журналистка отмечает, что не считает ранние браки по определению принудительными, потому что есть случаи, когда девушки хотят побыстрее выйти замуж, потому что для них это освобождение от семейного давления.

Но ранний брак зачастую негативно сказывается на здоровье девушек, особенно репродуктивном. Беременность и роды в подростковом возрасте могут навредить и девушкам, и новорожденным.

Матери-подростки умирают при родах в два раза чаще, чем женщины, достигшие совершеннолетнего возраста, отмечается в докладе. Половина из опрошенных для исследования жительниц Северного Кавказа (15 из 31) говорили, что у них были проблемы во время или после беременности.

Кроме того, нередко женщины не имеют доступа к методам контрацепции или даже не знают о них, не имеют выбора в вопросах количества детей и интервалов между беременностями.

«Он меня и запирал на целые сутки без еды. Однажды дал мне чай, чтобы совсем плохо не стало, ну и насиловал... Целые сутки. У него было на это много сил».
(Зарема, Ингушетия, похищена в 19 лет)
«Я не готовилась к замужеству, к тому, чтобы стать мамой в 15 лет... Поэтому для меня весь этот период прошел в каком-то шоковом состоянии... Помню, как я отслеживала какие-то изменения, когда происходили, когда живот рос, когда ноги отекали. Я не понимала, что со мной происходит. Сами роды тоже были довольно сложные. Я помню, как кричали на меня врачи. Я не понимала, что от меня хотят».
(Лиана, Дагестан, похищена в 14 лет)
«Есть один момент, который сильно повлиял на то, как проходила моя беременность все четыре раза. Дело в том, что у меня муж довольно, скажем так, импульсивный человек, и он может себе позволить поднять на меня руку. Ну, как руку... это даже не пощечина, это кулаки, это ноги в живот. Это

повлияло в итоге на то, что я не смогла родить сама».
(Фатима, Чечня, принудительный брак в 17 лет)

Кризисные центры, просвещение и уголовная ответственность для виновных. Преодоление практики ранних и принудительных браков

Обычно насильно выданные замуж девочки и девушки никуда не обращаются, полагая, что если им не помогли в родной семье, вряд ли можно рассчитывать на поддержку чужих людей. Власти — как региональные, так и федеральные — действительно мало что делают для защиты жертв насилия.

Так, в Чечне, а потом и в Ингушетии ввели штрафы за похищение с целью женитьбы, но проблему это не искоренило: некоторые опрошенные для исследования женщины были похищены уже после запрета. К тому же из-за пресловутых опасений за «честь» семьи родные девушки в любом случае могут выдать ее замуж за похитителя.

«В начале хотя бы заставляли платить, и если у кого-то не было такой возможности, то это был сдерживающий фактор, — отметила беседовавшая с исследовательницами экспертка из Ингушетии.
— Хотя это небольшая сумма, 200 тысяч рублей.
Как правило, религиозные представители, которые должны требовать соблюдения этого закона, говорят:

"Ой, он бедолага, он не сможет заплатить. Давайте не будем его трогать"».

Авторы выделили ряд рекомендаций, которые могли бы помочь преодолеть практику ранних и принудительных браков.

- Уголовная ответственность за принуждение несовершеннолетних к замужеству и обязательная государственная регистрация всех браков.
- Бесплатная юридическая помощь, возмещение ущерба и реабилитация для жертв таких браков.
- Система многопрофильных кризисных центров, шелтеров, кризисных квартир, где могут оказать бесплатную экстренную помощь пострадавшим, особенно в отдаленных и сельских районах.
- Просветительская работа для преодоления обычаев, наносящих вред развитию и здоровью девочек.
- Повышение грамотности самих несовершеннолетних девушек в вопросах возможности защиты своих прав, с особым акцентом на защиту от насилия.
- Обучение работников правоохранительных органов и судов, чтобы они эффективнее исполняли нормы уже действующих законов, защищающих девушек от похищения и принудительных браков.

Правозащитница Светлана Анохина подчеркивает, что борьбу с насилием против женщин надо начинать не с проблемы принудительных браков. «Нужно сначала осознать, в том числе и на законодательном уровне, что женщина — отдельная личность. Но как мы видим по делам многочисленных побегов девушек, само государство не на стороне беглянки, а на стороне тех, кто ее преследует, — говорит

она. — Силовики считают девушку собственностью семьи. Если ее можно сбежавшую насильно хватать и возвращать, то как можно бороться с тем, что ее насильно выдают замуж?».

И это не проблема одного Северного Кавказа, подчеркивает правозащитница, а «системная скоординированная работа всех силовых структур по всей стране». По ее словам, не раз от силовиков они слышали, что у них есть негласное распоряжение: «В кавказские кейсы не впрягаться».

«Традиционные ценности: если ты девушка, ты не человек. Посадить тебя могут, выдать замуж насильно могут, но отпустить в свободное плавание, если ты бежишь, не могут, и полиция не будет тебя защищать», — говорит Анохина.

Авторы доклада: Юлия Антонова, Инна Айрапетян, Кулсам Магомадова. Полную версию исследования можно прочесть на сайте AD REM.

Редактор: Мария Климова

1. По десять в Дагестане и Ингушетии и 11 — в Чечне.

2. Пять человек в Ингушетии, четыре — в Дагестане и шесть — в Чечне.

3. Иногда, если родители не согласны на брак, это происходит с согласия девушки, то есть фактически является побегом, а не похищением.

4. Выкуп за невесту.